

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
САТИРЫ XVIII ВЕКА

1

ПОВЕСТЬ О НЕКОЕМ ГОСПОДИНЕ

Некий^й господин приехал во свои дом и встретил его посреде двора раба. Господин же спросил раба своего о здравии и управлении дому своего.

— Здравствуй, государь! родители твои здравы и перездравы, только, государь, ножик твой булатной переломили да еще лутшего твоего коня уморили.

— Как вы его уморили?

— Матушку, государь, твою возили.

— Куды возили?

— На погост, подымя хвост. А отец и мать живы. И батюшка, государь, и матушка истили, и мы их погребали, и мы их поминали.

— Тьфу, дурак, ... ин сын, сказал все здравы: мать мою поминали, а отца погребали.

— А то не само здраво?

— А что после отца моего пожитков осталось?

— Государь, после батюшки твоего осталось денежной казны семь копеек, и те, государь, в расходе, еще свещникам дали, что батюшку твоего поминали, да еще, государь, в расходе портки, да скатерть, да семь копеек денег изошли на поминок.

Государь же спросил старосты своего:

— Много ли у тебя, староста, хлеба в расходе?

И рече ему староста:

— В расходе, государь, у меня многое число: кобелю Вопилону да батюшке твоему Родивону дано двадцать четвертей. Суке Поляне да матушке твоей Ульяне дано тридцать четвертей. Деловым ребятам да посыпым телятам в расходе у меня твоего барского хлеба девяносто четвертей и остатки, государь, мыши перетаскали пять четвертей.

— А так ты, ...ин сын, солгал и украл!

— Никак, государь, ни солгал, ни украл, а остатки, государь, мыши перетаскали.

2

〈ПОВЕСТЬ О ГОСПОДИНЕ И ПРИКАЗЧИКЕ〉

Господин приехал ис походу и [ирзб] в деревню, прикащика спросил: «Все ли у нас в деревне хорошо? Отвечал прикащик: «Хорошо и худо». Господин видя спрашивал прикащика: «Свет, скажи мне, что у нас хорошо?» Отвечал прикащик: «Мужик у нас разбогател». Спросил еще господин: «Скажи же теперь, что у нас дурнова?» Отвечал прикащик: «Мужик

разбогател». Господин, пришед в изумление, сказал: «Разве ты читал Езопа: хорошо язык и худо язык?» Отвечал прикащик: «Я, государь, про него и не слыхал». Господин спросил: «Почему же хорошо, что он богат?» Отвечал прикащик: «Потому пес хохлат,— ему тепло, а крестьянин богат,— ему добро». Спросил еще господин: «Почему же худо?» Отвечал прикащик: «Потому что он всех своих крестьян своими деньгами разорил, как варом переварил. Сперва у них землю нанимал, исполу сеял и пахал, а после и даром отыпал. Как пришли бедные крестьяне в разорение душою и телом [иrzб.], стали меня просить, о чем я к вам писал; а ты за то мне неоднократно спину чесал для того, что твои нянюшки и мамушки, повивальные бабушки, названные матушки, сверх комплекта тетушки, любезные сестрицы, племянницы, кумушки и сватушки всем от него одолжены и деньгами снабжены, праведной твоей, государь, душой, как веником трясут, а меня, старика, за правду по спине, как по шубе, бьют». Господин догадался, как от ласкателей проигрался [иrzб]... обидчика-мужика по совести спросил, мужик [повинную] приносил и ничего не таил, всю правду объявил, принес господину все свои воровские деньги, сказал ему так: «Пожалуй, государь, в вине меня прости». Господин его простил, однако по спине его слегка острастил, деньги же роздал всем крестьянам. Нянюшек и мамушек, кумушек и сватуюшек не велел на двор пускать, зачал жить покойно и бездолжно, а заслуженного слугу, за правду и безвинное претерпение довольно наградя, отпустил вечно на волю.

3

РАЗГОВОР О КОКУШКЕ В СУДЕ¹

А и д р е й. Что ты вздыхаешь, да кокушку часто поминаешь?

В а с и л и й. Ты моей беды разве не знаешь?

А [и д р е й]. Незнаю, только вижу, что у тебя в кошельке нет ни полушки.

В [а с и л и й]. А все это от проклятой кокушки.

А [и д р е й]. Ты, видно, рассказываешь свои грезы.

В [а с и л и й]. Нет! Видишь ли горючия мои слезы?

А [и д р е й]. Скажи, правду ли ты говоришь иль небылицу?

В [а с и л и й]. Ой, узнал я эту нещасливую птицу.

А [и д р е й]. Кто знает что у тебя на уме?

В [а с и л и й]. Изволь, я всю скажу историю тебе.

А [и д р е й]. А что за история такая?

В [а с и л и й]. А вот какая:

Прошлою весною,

Утренней порою

Пошол я в лес с соседом,

И шол одним следом.

Кокушка на голодных закоковала,

И видно, что нам нещастье предвещала.

Я своему товарищу сказал: кокушка на твою голову кокует.

А он не думавши, не гадавши, жестоко меня ударил в голову и сказал: Нет, вот на твою голову кокует.

А [и д р е й]. Что ж потом?

В [а с и л и й]. Потом и я ево во всю лысину благословил.

И чем дале кокушка коковала,

Тем боле у насссора и драка прибывала.

Начали тузится уж и кулаками

И разошлись так сами.

¹ В рукописи перестановка слов в заглавии: «Разговор о суде в кокушке».

Андрей. А что ж после тово?

Василий. Мы после драк и ссор
Пошли к судье на двор.

Сосед забежал к судье с мешком наперед,

А мне с пустыми руками велено стоять у задних ворот.

Андрей. Что же догадался ли ты?

Василий. И я догадался, —

У задней калитки [как] постучался

Серебряным кольцом,

То и ко мне судья выглянул ласковым лицом.

Андрей. А как же он вас рассудил?

Василий. А он усмотрел, что мы люди податливыя:

Приказал подать соседу моему Ивашке

Челобитню на бумашке.

А бумашки клочок

И по нужде на суд волочот.

Андрей. А кто из вас подал наперед?

Василий. Товарищ мой. И как мы пришли в подъяческую, то подъячия, как пиявицы, впились в мой кошелек и всю денежную кровь из него вышили, отчего кошелек мой был в лихоратке, а потом впал в чахотку.

Андрей. Еко, брат, твое горе, что ж дале?

Василий. Начали меня допрашивать. А в допросе я показал, что он меня наперед бил, а не я ево. И потребовали у нас свидетелей. Но какссора у нас была в таком месте, где кроме лесу никого не было, на которой и ссылались, и по общей нашей ссылке — нутко мы взапуски лес возить к судье и подъячим, а оне из наших свидетелей поделали себе хорошие покой и понаклали поленницы дров.

Андрей. Чем же дело решилось?

Василий. Повытчик нам сказал, что-де эти свидетели, то-есть наш лес и дрова, но законам во свидетельство не приемлются. А притом примолвил: Да не случилась ли другаго кого при том, как драка у вас была? Мы сказали, что неподалеку было наше стадо лошадей, коров и овец и прочих. — Да вы, спросил он, шлеетесь ли на него? — Шлемся, сказали мы.

Андрей. Что ж на то?

Василий. Опять по общей нашей ссылке — нутко оне ордеры посыпать за нашими лошадями и коровами. Я было сперва привел жеребеночка да теленочка. Однако повытчик велел их отвести к себе на двор, а мне сказал, что оне еще малолетны и потому-де свидетелями быть не годятся, а приведи-де повзрастнее. Итак мы всех своих лошадей, коров, овец и свиней к судье и подъячим для свидетельства и переводили.

Андрей. Где же ваше стадо теперь?

Василий. Все у них на дворе осталось.

Андрей. Зачем так?

Василий. Все еще будто допрос идет.

Андрей. А пастухов же ваших не призывали ль?

Василий. Призывали было. Да оне малы да голы, так, не допрашивая, назад их отослали. А остроумной наш повытчик судье доложил: что-де их лошади и коровы не стали бы им, истцу и ответчику, делать какой понаровки, не прикажете ли потребовать от них посторонних свидетелей лесовых?

Андрей. Что на то судья?

Василий. Судья повытчика по головке погладил: спасибо тебе, что ты меня в том предостерег, я вижу, что ты эти дела крепко знаешь. И, оборотясь к нам, сказал: други мои, я знаю, что в том

лесу, в котором вы дралися, водятся лисички, волки и медведи и другие хорошие зверки. Оне, чай, слышали вашу драку. Так представьте мне их во свидетели.

Андрей. Ты представил ли их?

Василий. Я сперва притащил ему несколько лисьих кож. Он отдавши их своей жене, сказал мне: как можно мертвых допрашивать? Приведите сюда живых.

Андрей. Привел ли ты их к нему?

Василий. Привел было я сперва одну живую лисицу, да он не принял ее во свидетельство.

Андрей. Зачем?

Василий. Он сказал, что при двою-де или при трою свидетелях станет всяк глагол, а одну-де во свидетельство принимать сумнительно. А притом выговорил мне: чем ты более таких свидетелей добудешь, тем правее будешь.

Андрей. Что ж ты?

Василий. Я в такой надежде целый пяток привел живых лисиц.

Андрей. Допрашивал ли он их?

Василий. Нет, он на них посмотривал и приказал своему слуге отвести их под караул, а мне сказал: Эти свидетели не годятся потому, что давно на них взошла человечтня от твоего соперника в краже куриц и потому оне подозрительны. А притом сам ты видишь, что оне очень хитры и лукавы, так правды сказать не могут. Приведи-тка ты мне посправедливее и простее хоропинких медведков.

Андрей. Ох,, бедной, все твое горе!

Василий. Да всио брат крички (!) приказныя! Медведков-то я троих привел, да толку не нашол.

Андрей. Что так?

Василий. Как начал их повытчик допрашивать, то оне только что ревели, а правды никакой не сказали. А между тем повытчик бросился в архиву и, не знаю, какое-то старое дело подал судье. Судья надевши на большой свой нос некакия стеклянныя игрушки, читал, да повытчику сказал: О! свет мой, О! подпора моей старости, как ты памятлив и умен! Расскажи ему дело.

Андрей. Что ж тебе сказал повытчик?

Василий. Повытчик мне сказал: Что-де в семьсот в таком-та году отец сих медведей с согласием своих детей изломал корову у истца твоего, о чем-де и суд кончен: со отца их кожа содрана. А детей его определено было сыскать, но оне в те поры в другой лес ушли. И затем-де оне во свидетельство не годятся по прежнему своему делу. Надлежит нам с ними поступить так, как поступлено со отцом их по законом.

Андрей. Конечно, ты повытчика ничем не задарил?

Василий. Нет, он всячиной с меня брал,

И чем боле я ему давал,

Тем боле он меня обдирал.

Андрей. Видно, он человек совести худой,

Что так поступал с тобою.

Василий. Он подлинно такой.

Э, да бог с ним, впрок ему не пойдет, а я уже в суд не буду ходить.

Андрей. Чем же дело-то кончилось?

Василий. Как у нас все истощилося, то судья, видно, что набожной человек, призвавши нас к себе сказал: «Глупенкие, не ссорьтесь боле, а оставте всю вражду, помиритесь. Я заподлиенно уведомился что кокушка на наше щастие коковала. Ея золотыя песни мне теперь довольно известны».

Итак мы по совету милостиваго и праведнаго судии между собой помирилися,

А подъячия от нас довольно накормилися.

Ай дрей. Ну хорош ваш кокушкин суд!

Василий. Ой, кокушка, ой, кокушка, горемышная кокушка!

Видно ты подъячим хорошая дружка;

А нам бедным нещастливая игрушка.

«СТИХОТВОРНАЯ САТИРА НА СУД И ЧИНОВНИКОВ»

Ежели где государев наместник

Будет на взятки прелестник,

То Губернское правление

Возмет на то стремление,

Сыщет и Казенная палата

Отчего б была богата,

Также и Палата уголовна

Не будет на то прекословна,

Гражданская и Магистрат губернской

Никак не погнушаются сей страсти мерзкой.

Суды надворны

Будут за деньги зговорны.

Верхние и нижние Земские суды

Не оставят тщетными свои труды.

Разбирать будет Совестной суд,

Кто на дачу хороши худ,

Да и Приказ общественного призрения

Не будет иметь в том зазрения,

А паче всех Управа Благочиния

Имеет уже все способы для сего бесчиния,

В которой гражданских и уголовных дел приставы

Также знают, как соблюдать ко взяткам свои уставы.

Частные приставы и квартальные надзиратели

По своим частям и квартирам — не последние обиратели,

А хотя у них темляки и на военной спице,

Да руки держат близко при пояснице.

Не исключительно Верхняя и Нижняя расправы

Также не бегают преэрительной сей славы.

Генерально всех тех мест

(Их же числа несть)

Председатели и заседатели

Только человеческой плоти объедатели.

Такие же воры —

Стряпчие и прокуроры,

Уездные градоначальники,

И капитаны-исправники.

Секретари — давнишние алтынники,

А подъячие — издревле неописанные шильники.

Жизненный опыт русского трудового народа в XVIII в. был запечатлен в устном народном творчестве и рукописных сборниках.

Не случайно, начиная с кануна крестьянской войны, в них проявилось ясное сознание непримиримости классовых противоречий.

За двадцать лет до Радищева анонимный крепостной автор «Плача холопов» (1767—1778 гг.) не только правдиво показал бесправие крестьян и «тиранство» дворян, но и призывал «злых господ корень переводить».

Все чаще и чаще встречаются подобные мотивы в произведениях анонимной демократической сатиры на страницах рукописных сборников 1780—1790-х годов, отражая рост классового самосознания русского крепостного крестьянства.

Вниманию читателя предлагаются четыре таких анонимных произведения, оставшиеся до сих пор неизданными: две повести, сатирический диалог «Разговор о кокушке в суде» и стихотворная сатира на суд и чиновников.

Первая из повестей, озаглавленная «Повесть о некоем господине», известна мне по списку 1792 г. в сборнике Государственного исторического музея (Барсов, 4°, № 2471, лл. 4—4 об.), в составе которого имеются «Калязинская celibatina» (лл. 1—3 об.), «Повесть о куре и лисице» (лл. 5—8 об.), «Повесть о крестьянском сыне» (лл. 9—10 об.), «Тяжба волка и лисы» (лл. 11—11 об.).

По стилю, тематике и композиции «Повесть о некоем господине» близка к сатирической крестьянской повести «Повесть Пахринской деревни Камкива», изданной по списку Государственного исторического музея (Забелин, № 536) В. Ф. Ржигой². Но, в отличие от последней, в разбираемой повести отчетливее выявляется ее фольклорная основа. «Повесть о некоем господине» является рукописной обработкой антидворянских устных сатирических диалогов XVIII в., текстуально близких к позднейшим записям устных сатирических диалогов «Барин и приказчик», «Барин и староста»³.

Повесть начинается коротким сообщением о приезде «господина» «во свой дом» и беседе его «посредь двора» с «рабом». Далее «раб» извещает «господина», что в имении все благополучно и родители «здравы и перездравы». На самом же деле родители барина умерли и похоронены, да еще крестьяне лучшего барского коня «уморили» и «булатный ножик переломили». Когда барин бранит управителя, как он смел сказать, будто все благополучно, раз умерли старые господа, тот возражает ему: «А то не само здраво?»

Нескрываемой издевкой над барином проникнут и ответ старости на вопрос господина, много ли хлеба в расходе. Комизм диалога со старостью усиливается в повести тем, что глупый барин не замечает оскорбительных для его родителей сопоставлений, обычных в сатирической сказке и устной народной драме («кобелю Вопилону да батюшке твоему Родивону»... «Суке Поляне да матушке твоей Ульяне»), а продолжает всерьез спорить со старостью о том, как могли мыши перетаскать пять четвертей хлеба. Конфликт между повествовательной частью произведения, где встречаются старинные формы («стрете», «вопроси», «о здравии», «рече») и диалогом, основанным на просторечии и не чуждым вульгаризмов, также несомненно рассчитан на комический эффект. За балагурством и внешним комизмом в этой коротенькой повести сквозит презрение к господину и сознание непримиримости интересов помещика и крестьянина: ведь смерть барина, по словам дворового, для крестьян — «само здраво».

Несезинично остановиться на жизненной основе возникновения таких диалогов. Многие русские помещики XVII в. имели обычай выслушивать ежедневные доклады приказчика и доверенных слуг (ключника, дворецкого и т. п.) о состоянии дел в вотчине. Сохранились сведения, что иногда эти доклады облекались в форму рифмованных прибауток.

П. Казанский рассказывает, например, что ежедневные доклады слуг и выборных вельможе Вас. Головину в 1740—1750-е годы происходили по следующему ритуалу. Головин здоровался со слугами и спрашивал: «Ну что? Все ли здорово, ребята, и благополучно ли у нас?» На этот вопрос прежде всего отвечал с низким поклоном дворецкий: «В церкви святой и ризнице честной, в доме вашем господском, на конном дворе и скотском, в павильоне и журавлятике, везде — в садах, на птичьих прудах и во всех местах — милостию Спасовою, все обстоит, государь наш, богом хранимо, благополучно и здоро»⁴. После дворецкого с такими же рифмованными прибаутками доносили, что «все благополучно», ключник, выборной и староста⁴.

Можно с полным основанием думать, что устные сатирические диалоги типа «Барин и приказчик», «Барин и староста», а вслед за ними и данная повесть сложились в крестьянской среде как народная пародия на эти официальные сообщения слуг о кажущемся, внешнем благополучии — о мнимом благодеянии крепостных крестьян под властью помещиков.

С иной точки зрения представляет интерес вторая небольшая бытовая повесть без заглавия, являющаяся обработкой устного комического диалога «Хорошо и худо». Этот комический народный диалог, широко известный в комической сказке и в устной

² В. Ф. Ржига, Крестьянские повести XVIII века, «Литературное наследство». № 9—10, стр. 99—105.

³ Ср. Н. Е. Онучков, Северные народные драмы, СПб., 1911, стр. 131—132; А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, М., 1873, кн. III, стр. 396—397 (№ 230 с) и 399—401 (№ 230); кн. IV, стр. 512.

⁴ П. Казанский, Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского, М., 1847, стр. 61—63.

драме, был настолько распространен в XVIII в., что получил отражение в лубочном «Житии Езопа»⁵ и в стихотворении Я. Б. Княжнина «Ладно или плохо»⁶.

По традиции придавая заглавие по действующим лицам эта повесть может быть условно названа «Повестью о господине и приказчике». Она мне известна по единственному списку сборника конца XVIII — начала XIX в. в Библиотеке Академии наук в Ленинграде (26. 2. I. 75, лл. 3—3 об).

Основная часть этой повести представляет беседу господина, вернувшегося в деревню из похода, с честным стариком-приказчиком. С точки зрения последнего, хорошо и одновременно худо то, что один мужик в деревне разбогател. Мнимая нелепость этих слов приказчика легко разясняется из последующего обмена репликами. В этом диалоге особого внимания заслуживает образная картина дифференциации крестьянской деревни под влиянием зарождения капиталистических отношений внутри феодально-крепостнической формации. Деревенский кулак в погоне за наживой разоряет односельчан; в материальной зависимости от него оказывается даже мелкое дворянство, родня помещика. Честному слуге, который стремится разоблачить кулака, приходится терпеть от барина и его родни одни только побои.

Правильно отобразив первые последствия зарождения капиталистических порядков в условиях крепостничества (разорение крестьянской массы, денежная зависимость мелкого дворянства от кулака), автор повести еще не понимает смысла явлений, совершающихся на его глазах. Финал повести свидетельствует о незрелости социально-политической мысли автора, который продолжает надеяться на могущество и справедливость «доброго господина».

Повесть, повидимому, возникла в среде дворовых: не случайно центральным положительным образом ее оказывается «заслуженный слуга», награжденный свободой и богатством «за неправду и безвинное прстерпение». На эту же социальную среду указывает и словарь, для которого характерно сочетание просторечия («вар», «исполну», «скатели», «претерпение») и варваризмами («Езоп», «комплект»). Пословичные речения («Пес хохлат — ему тепло, мужик богат — ему добро»), образные иронические сравнения («разорил, как варом персварил», «по спине, как по шубе, бьют», «душой, как веником, трясут»), многочисленные остроумные рифмованные прибаутки (типа: «я тебе писал, а ты мне за то неоднократно спину чесал») убеждают в том, что автор хорошо знал поэтику народного бытового сказа.

Все глубже осознавая роль бюрократического аппарата, в первую очередь — суда, как орудия классового угнетения, народ создает в XVIII в. на смену древнерусским повестям о Ерше и Шемякином суде разнообразные сатирические произведения, отличающие грабительство и продажность чиновников. Распространенными видами подобных произведений XVIII в. являются сатирический диалог («беседа», «разговор») и пародия на документ.

Из таких рукописных произведений издана сатирическая трилогия: «Копия с просьбы в небесную канцелярию»⁷, «Беседа у секретаря»⁸, «Разговор двух министров, земского суда канцеляристов»⁹.

По идейной направленности к ней близки публикуемые выше юмористический «Разговор о кокушке в суде» и анонимная сатира на суд и чиновников, обличающая всеобщую продажность.

«Разговор о кокушке в суде» известен мне по единственному списку в сборнике Государственного исторического музея в 1789—1792 гг. (Вахрамеев, № 567, лл. 83—86). Интересно отметить, что в данный сборник, кроме «Разговора о кокушке в суде», включены и другие сатирические произведения XVIII в.: сатирические «Ведомости» (лл. 86—88), «Разговор книжника с картежником» (лл. 88—90), «Разговор в царстве

⁵ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, СПб., 1881, т. 1, № 91, стр. 278 и 291—292.

⁶ Я. Б. Княжнин, Ладно или плохо, разговор двух крестьян — Козовода и Мирохи, Соч., 1787, т. IV, стр. 241—243.

⁷ «Копия с просьбы в небесную канцелярию» издавалась четыре раза: 1) по рукописи XVIII в.— без указания ее местонахождения А. П. Щаповым («Время», СПб., 1862, № 10, стр. 339—341).

2) по рукописи конца XVIII в. бывшего рукописного отдела Саратовской ученой архивной комиссии № 114 П. Юдиным («Русский архив», 1908, № 10, стр. 215—217);

3) по рукописи ГИМ (Забелин, № 234) 1800-х годов А. Д. Седельниковым «Литература и марксизм», 1931, № 4, стр. 132—134;

4) по рукописи без указания шифра и даты, но весьма близкой к забелинскому списку («Русский архив», 1875, № 10, стр. 255—256).

⁸ «Беседа» издана дважды:

1) по списку ГИМ (Забелин, № 234) 1800-х годов А. Д. Седельниковым, «Литература и марксизм», 1931, № 4, стр. 134—136;

2) по списку 1817 г. ГБЛ (Никифоров, № 620) П. Н. Берковым в кн.: П. Н. Берков, «Русская народная драма XVII—XIX веков», «Искусство», М.—Л., 1953, стр. 64—68.

⁹ «Разговор» издан по тому же списку 1817 г. П. Н. Берковым, там же, стр. 62—64.

мертвых Ломоносова с Сумароковым» (лл. 120—123 об.), «Отче наш саксонцев» (лл. 303 об.—305).

В публикуемом диалоге ведут разговор два собеседника: Андрей и Василий. Последний, отвечая на вопросы Андрея, рассказывает ему историю своей глупой ссоры с соседом Ивашкой (поводом к ней был спор: «на чью голову» в лесу кукушка закувковала) и последующей тяжбы, которая довела обоих до разорения.

В диалоге не уточнено социальное положение Василия и Ивана, но судя по тому, что они занимаются рубкой леса, охотой, можно думать, что это крестьяне или одноворцы. Нелепая тяжба двух простофиль доводит их до разорения, но не сочувствие к ним стремился возбудить автор «Разговора» в читателе, а резкое негодование против их разорителей — «крючков приказных»: подьячих, судьи, повытчики. Комическое, невероятное происшествие явилось поводом для сатиры на грабительство судебных чиновников.

Грабительская природа подьячих хорошо раскрыта в эпизоде подачи челобитной. Алчность подьячих образно подчеркнута сравнением («как пиявицы впились», «всю кровь выпили») и метафорами («денежная кровь», «кошелек был в лихорадке, впал в чахотку»). Более детально разработаны образы судьи и повытчики. Судья повидимому, хорошо известен челобитчикам как алчный человек: Ивашка стремится забежать «с мешком наперед», а Василий, «догадавшись», что бесполезно идти «с пустыми руками», с некоторым запозданием стучится «серебряным кольцом» в заднюю калитку у судьи, который только тогда и взглянул на него «ласковым лицом». Лицемерный судья приторно ласков; это подчеркнуто и в его обращении к тяжущимся («други мои», «глупенькие»), и в обилии уменьшительных суффиксов даже тогда, когда он вымогает («хорошие зверки», «лисики», «хорошняки медведков»). Судья восхищается изворотливостью повытчики, который находит множество поводов для вымогательства и бесконечной волокиты в пустом деле о драке, вместо того чтобы сразу кончить его мировой. Иронические эпитеты, противоречащие истинному облику судьи («набожный человек», «милостивый» и «праведный»), завершают характеристику его.

Если судья считает нужным носить маску, то «остроумный» повытчик открыто и нагло грабит челобитчиков; алчность его не знает предела, как жалуется Василий своему собеседнику. В руках повытчики инициатива: он ведет повторный допрос сторон, отводит свидетелей, извлекает из «архивы» какое-то старое дело. В этом образе автор «Разговора» наиболее остро сумел воплотить характерные черты чиновника-грабителя, «крючка приказного» XVIII в.

Центральное место в повести занимает предпоследний эпизод — представление истцом и ответчиком свидетелей «по общей ссылке». Именно здесь раскрыта особенно резко и пародийно судебная волокита, выражаяющаяся в многократном отводе свидетелей. Тут трижды встречается прием троекратного повторения с градацией (лес, домашние животные с пастухами, дикие звери; теленок и жеребенок, взрослые домашние животные, мальчики-пастухи; лисы шкуры, живые лисы, живые медведи), столь распространенной в различных жанрах устного народного творчества.

Автор разбираемого диалога был, повидимому, знаком с разнообразными пародиями. На это указывает упоминание о челобитной истца на лисы «в краже куриц», вследствие чего эти свидетельницы оказываются «подозрительны». Пародийным характером отмечены также экстракт старого дела и частное определение по поводу медведей, представленных в свидетели ответчиком.

Составитель «Разговора» знал судебную терминологию, применяя как старинные судебные формулы, известные еще в XV—XVI вв. («ссыльаться» «слаться», «общая ссылка», «челобитная», «истец», «ответчик») и сохранившиеся в деловой речи XVII в., так и новые термины и обороты («ордеры посылать», «отвести под караул», «архива», «старое дело», «во свидетельство принимать», «посторонние свидетели», «определенено», «суд кончен»).

Характерно, что иностранные слова и термины, за исключением вышеупомянутых («ордеры», «караул», «архива»), в «Разговоре» не встречаются, кроме слова «история», получившего широкое распространение в демократической письменности. В словаре Андрея и Василия обильно представлены идиоматические выражения («на твою голову кокут», «у тебя на уме», «пойти впрок», «не думавши, не гадавши» и др.). Славянismы чрезвычайно редки, они встречаются только дважды, по одному разу, в речи повытчики («во свидетельство приемлются») и судьи («при двою... или при трою станет всякий глагол»).

Словарный состав, обращение к композиционным приемам сказки (утроение, повторение с градацией), тяготение к рифмованной пословичной речи, наконец, идеяная тенденция, — резкое осуждение судебной волокиты и чиновников-грабителей — с очевидностью указывают на принадлежность автора «Разговора» к демократической среде.

Мздоимство чиновников представляется ему еще неискоренимым, он убежден только в существовании нравственного возмездия — награбленное и вымученное богатство «впрок не пойдет». А для себя рассказчик делает только один вывод: «Я уже в суд не буду ходить». Со старинными памятниками сатиры XVII в. разбираемый «Разговор» роднит ирония, неоднократно вносимая автором в оценку явлений. Она звучит по-разному, то презрительно и гневно, когда она обращена на «крючков приказных», то горькой насмешкой рассказчика над собственной «бедой».

Авторы сатирических рукописных произведений, обличающих суд и чиновников, не ограничивались зарисовкой отдельных представителей администрации, но иногда ставили вопрос и в более общей форме.

Именно с этой точки зрения интересна стихотворная сатира на суд, сохранившаяся во Всесоюзной Библиотеке им. В. И. Ленина в рукописном сборнике конца XVIII в. (Шибанов 282/344, стр. 142—143), включающем немало произведений сатиры и юмористики. В рассматриваемом произведении осмеяна алчность и продажность чиновников всех рангов: от «государева наместника» (так назывался начальник столичных губерний Московской и Петербургской) до последнего пристава и раскрыта круговая порука различных местных учреждений.

Продажность, указывает автор, царит во всех учреждениях, сверху донизу: в верхних и нижних земских судах, в совместном суде, в верхней и нижней расправе, в Приказе общественного призрения и, более всего, — в Управе Благочиния (т. е. полиции). Взятками не гнушаются чиновники и представители власти всех званий и мастей.

Перечень чинов и государственных органов в данной сатире указывает, что она была сложена в последней четверти XVIII в., после введения «Учреждений для управления губерниями» (1775 г.), когда губернаторы столичных губерний начали называться главнокомандующими и стали «государевыми наместниками», непосредственно подчиненными царю (царице) и входящими в состав сената. Государев наместник не только руководил местными учреждениями, но являлся также начальником полиции, наблюдал за сбором податей и рекрутскими наборами, командовал местным гарнизоном и войсками.

В губернских городских учреждениях, образованных по акту 1775 г. после окончания крестьянской войны, мы наблюдаем всесилье дворянства, бюрократизацию управления, превращение выборных лиц в правительственные чиновников. Все судебные должности оказывались в руках дворянства, даже в крестьянских судах (верхней и нижней расправах) судили дворянские заседатели¹⁰. Резкое осуждение взяточничества и отчлывая антидворянская тенденция видны в этом произведении демократической сатиры 1780—1790-х годов. Можно предположить с полным основанием, что эта стихотворная сатира на суд, так же как и «Разговор о кокушке в суде», была создана в среде грамотного городского населения кем-нибудь из крепостных интеллигентов, каких тогда было немало.

Написанная неравнозаданным стихом с парными (мужскими, женскими и дактилическими) рифмами разбираемая анонимная сатира на суд и чиновников по художественной форме довольно близка к «Плачу холопов». Следует отметить, что в ней встречаются сатирические рифмы-характеристики: «наместник — прелестник», «благочиния — бесчиния», «надзиратели — обиратели», «заседатели — объедатели», «оры — прокуроры» и т. п.

Такой прием использования рифм утвердился в русской рукописной публицистике, начиная с периода борьбы против польско-шведской интервенции начала XVII в., когда в антибоярском паффе (сохранившемся под названием «Новая повесть о преславном российском царстве») при характеристике предательской политики бояр были употреблены такие пары сатирических рифм-ассонансов: «правители — кривители», «землерожцы — землесъедцы».

К аналогичным приемам обращались также анонимные авторы XVIII в. Шуточная целобитная-пародия, известная в списке первой четверти XVIII в., адресованная «господину с удьесвием»¹¹. Пародийный «глухой» паспорт в списке конца XVIII в. дает такую рифмованную характеристику чиновников Бронницкой приказной избы:

Тут живут не правители,
Но крестьянские разорители¹².

В конце XVIII в. В. В. Капнист ввел аналогичные сатирические рифмы-характеристики в монолог повытчика Доброго («Ябеда», д. 1. явл. 1) при характеристике председателя гражданской палаты Кривосудова и прокурора Хватайко:

Гражданский председатель
Есть сущий истины Иуда и предатель...
...прокурор,
Чтоб в рифму мне сказать — существеннейший вор.

Весьма возможно, что Капнист знал обличения корыстного суда в демократической рукописной книге и воспользовался выработанной там поэтикой в своей комедии.

¹⁰ См. подробнее: «История Москвы», Изд-во АН СССР, М., 1953, т. II, стр. 434—448, Б. Г. Слизян, Управление (ч. 2, гл. 4, § 1).

¹¹ В. П. Адрианов-Перетц, Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 113.

¹² И. Е. Забелин, Заметки о памятниках простонародной литературы, «Библиографические записки», М. 1892, № 2, стр. 83.

Мы не знаем почти ничего о жизненном пути крепостных писателей и публицистов второй половины XVIII в. Несомненно, что все произведения демократической литературы от «Плача холопов», солдатской пародийной «Челобитной» до «Стихов крепостного живописца» не были созданием коллективного творчества, а имели конкретных авторов. В этом можно убедиться на примере последнего произведения, так как изучение местных архивов позволило выяснить имя и возраст его автора и установить некоторые факты его биографии — типичного тернистого пути молодого крепостного интеллигента конца XVIII в.

«Стихи крепостного живописца» были извлечены из дела о побеге 1787 г. В. И. Снежневским и напечатаны им в 1890 г. без указания имени автора¹³. Позднее они рассматривались исследователями как анонимное произведение. Изучение же судебного дела, бывшего в руках В. И. Снежневского¹⁴, позволяет установить следующее.

Автором так называемых «Стихов крепостного живописца» был Василий Васильевич Подзоров, крепостной художник, который принадлежал князю Н. С. Долгорукову и «состоял за ним по ревизии» в селе Алистееве Гжатской округи Нижегородского наместничества.

В девятнадцатилетнем возрасте в 1784 г. Василий Подзоров составил себе фальшивую отпускную и бежал из села Студенца Веневской вотчины, где тогда находился при барине, жил по этому документу около двух лет в Риге и ее окрестностях «по разным мызам и кормился живописным своим мастерством». Затем он потерял случайно эту отпускную, сделал себе новую и с ней пришел через Псков и Новгород в Софию (близ Царского села,) где занялся «в лакейскую должность на почтовом дворе у софийского купца и содерхателя трактира Андрея Гуляева с платоу в год за сорок рублей» и пытался даже устроиться на должность истопника в Царское село. На всякий случай молодой художник изготовил себе третью фальшивую отпускную, но случайно забыл ее на шкафу в трактире. Вместе с ней полиция забрала листок бумаги, на котором В. В. Подзоров народно-песенным складом рассказывал о жестокостях своего барина, о заключении в домашнюю тюрьму, истязаниях и побеге. Полиция обратила внимание на резкое сатирическое обличие барина-крепостника в этом произведении и, назвав его «пасквильным наподобие песни письмом» (л. 6), присоединила к вещественным доказательствам виновности В. В. Подзорова. К делу были приобщены также шестнадцать картин, написанные им за три года жизни на свободе. После допроса и вынесения приговора В. В. Подзоров был направлен в Нижегородский уездный суд для наказания плетьми и возвращения владельцу. Дальнейшая судьба его неизвестна, так же как и местонахождение его картин, хотя, по его показаниям, он «кормился живописным своим мастерством близ двух лет», живя в окрестностях Риги в 1784—1786 гг. и, судя по отобранным у него в Софии 16 картинам, продолжал писать и позднее.

Судьба В. В. Подзорова, молодого крепостного художника и одаренного поэта 1780-х годов, наглядно подтверждает правильность мысли писателя-революционера А. Н. Радищева о том, что в условиях России XVIII в. крепостные «в законе мертвы, разве по делам уголовным». Обнаружение полицией поддельного документа сохранило на страницах судебного дела автограф одного произведения и некоторые сведения о безрадостной жизни В. В. Подзорова.

Б. Д. Кузьмина

¹³ В. И. Снежневский. К истории побегов крепостных крестьян в последней четверти XVIII и в XIX столетиях, «Нижегородский сборник», Нижний Новгород, 1890, т. X, стр. 555—556.

¹⁴ Нижегородский уездный суд. Дело по обвинению дворового человека кн. Н. С. Долгорукова, живописца Подзорова В. В. в побеге от помешника с фальшивой отпускной, 1 ноября 1787 г.—15 декабря 1787 г., на 18 листах (Госархив Горьковской обл., ф. 162, оп. 106, ед. хр. 6, 1787 г.).